
DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-036-047

МЕСТО РУССКО-МОНГОЛЬСКОГО СОГЛАШЕНИЯ 1912 г. В ИСТОРИИ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

© 2023

В. В. Грайворонский¹

В статье рассмотрены краткая история подготовки и подписания Русско-Монгольского соглашения о дружбе 1912 г., причины, факторы, провозглашение независимости Монголии, «монгольский вопрос», позиция правительства царской России, миссия И. Я. Коростовца, переговоры, позиции российской и монгольской сторон, основные пункты Соглашения, признание правительством Российской империи правительства Автономной Монголии.

Ключевые слова: Российская империя, Монголия, «монгольский вопрос», миссия И. Я. Коростовца, Русско-Монгольское соглашение 1912 г., его место и значение

Для цитирования: Грайворонский В. В. Место Русско-Монгольского соглашения 1912 г. в истории российско-монгольских отношений. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2023. № 1. С. 36–47. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-036-047

THE PLACE OF RUSSIAN-MONGOLIAN FRIENDSHIP AGREEMENT OF 1912 IN THE HISTORY OF RUSSIAN-MONGOLIAN RELATIONS

Vladimir V. Grayvoronskiy

In the article are examined following issues as the short history of the preparation and signing Russian-Mongolian agreement of 1912, its main reasons, factors, proclamation of the Mongolia's independence, «the Mongolian question», position of the tsarist Russia's government, mission of I. Ya. Korostovets, negotiations, main points of the Agreement, recognition of the government of Autonomous Mongolia by the government of the Russian Empire.

Keywords: Russian Empire, Mongolia, proclamation of Mongolia's independence, «the Mongolian question», mission of I. Ya. Korostovets, Russo-Mongolian Agreement of 1912 and its significance

For citation: Grayvoronskiy V. V. The Place of Russian-Mongolian Friendship Agreement of 1912 in the History of Russian-Mongolian Relations. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN.* 2023. 1. Pp. 36–47. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-036-047

¹ Грайворонский Владимир Викторович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий сектором Монголии Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, Москва; graiv2000@mail.ru

Vladimir V. Grayvoronskiy, DSc (History), Chief Research Associate, head of Mongolia Studies Unit, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; graiv2000@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9842-401X

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы, опираясь на новые источники, архивные материалы и достижения современной исторической науки, попытаться определить место и значение русско-монгольского Соглашения о дружбе 1912 г. в истории российско-монгольских отношений в XX — начале XXI вв.

Из истории подписания Соглашения

110 лет тому назад, 21 октября/3 ноября 1912 г., в столице Монголии Урге, которая была переименована в Нийслэл-Хурээ («Столица-монастырь»), произошло важное событие во многовековой истории русско-монгольских отношений, которое продолжает привлекать внимание историков, политиков, дипломатов, политологов, востоковедов, монголоведов, других специалистов и читателей. В этот день были подписаны два документа: Русско-Монгольское соглашение о дружбе и прилагаемый к нему Торговый протокол. Соглашение и протокол подписали: с российской стороны — уполномоченный представитель правительства Российской империи, известный российский дипломат, действительный статский советник И. Я. Коростовец, с монгольской стороны — премьер-министр Монголии Сайн-ноён-хан Намнансурэн и 5 министров правительства Богдо-хана, в том числе министр внутренних дел, цин-ван, да-лама Цэрэнчимэд, министр иностранных дел, цин-ван Ханддорж, военный министр дзюн-ван Гомбосурэн, министр финансов дзюн-ван Чагдаржав, министр юстиции дзюн-ван Намсрай.

Это Соглашение известно в истории международных отношений и в научной литературе как «Русско-Монгольское соглашение от 21 октября/3 ноября 1912 г.», «Соглашение» (в русском оригинале), «Монголо-Русское соглашение (договор) о дружбе» (факсимиле монгольского оригинала) [Соглашение. АВПРИ. Ф. 163. Трактаты. Оп. 3, Д. 963, л. 1–2; Батсайхан О. 2008, с. 325–331], «Дружественное соглашение о признании Россией автономной Монголии» [Военное сотрудничество, 2019, т. 1. с. 28–29]. К настоящему времени история подготовки и подписания Соглашения относительно хорошо известна, исследована в научных трудах российских, монгольских и других зарубежных историков, дневниках и воспоминаниях дипломатов, в том числе российских историков Б. М. Гурьева [Гурьев, 1911], Ю. Кушелева [Кушелев, 1912], Е. А. Белова [Белов, 1999; Белов, Лузянин, 2000], С. Г. Лузянина [Лузянин, 2000], Ю. В. Кузьмина [Кузьмин Ю. В., 1997; 2013], С. А. Кузьмина [Кузьмин С. А., 2015], в дневнике и исследовании дипломата И. Я. Коростовца [Коростовец, 2004; 2009] и др. Особенно большой вклад в поиски, изучение и введение в научный оборот большого числа новых ценных источников и архивных материалов, детальное изучение истории подготовки и подписания Русско-Монгольского соглашения 1912 г., а также трехстороннего Русско-Китайско-Монгольского Кяхтинского соглашения 1915 г., жизни и деятельности Богдо-гэгэна Джебцзундамба-хутухты VIII внесли монгольские историки Н. Магсаржав [Магсаржав, 1994], Л. Дэндэв [Дэндэв, 1934; 2006], Ш. Нацагдорж [Нацагдорж, 1941; 1963], Ц. Пунцагноров [Пунцагноров, 1955], Ш. Сандаг [Сандаг, 1966; 1971; 2018], Л. Жамсран [Жамсран, 1992а; 1992б; 1996], О. Батсайхан [Батсайхан, 2002; 2005; 2008; 2018], Ц. Батбаяр [Батбаяр, 1993; 2006], Ж. Болдбаатар [Болдбаатар, 1994; 2007; 2011] и др. Свой вклад в изучение истории подписания Русско-Монгольского соглашения 1912 г. и его значения внесли также зарубежные монголоеды, в т. ч. китайские — Чэнь Вэйсинь [Чэнь Вэйсинь, 2001], Чи Сюн Чан (Chi Hsiung Chang) [Чи Сюн Чан, 1995], американские Т. Ивинг [Eving T., 1977], японские историки-монголоеды Танака Кацухико (Tanaka Katsuhiko) [Танака, 1991], Наками Тацуо (Nakami Tatsuo) [Наками, 1997; 1999], Тачибана Макото [Тачибана, 2011; 2013],

корейский монголовед Ли Пён Ри [Ли Пён Ри, 2011]; немецкий монголовед Удо Б. Баркманн [Баркманн, 1999, 2022] и др.

Главная особенность и значение этого соглашения состояла в том, что это было первое соглашение между правительством Российской империи и правительством нового государства Монголия, провозглашенного по инициативе правящих кругов Монголии 1 декабря 1911 г.

Основная причина подписания соглашения состояла в необходимости для правительства Российской империи найти оптимальный вариант решения так называемого «монгольского вопроса», который возник и стал актуальным после того, как 1 декабря 1911 г. правящие круги Халха-Монголии (Внешней Монголии) во главе с Богдо-гэгэном VIII по своей инициативе и своими силами совершили мирный государственный переворот, официально объявили об отделении Халхи от Цинской империи, о прекращении исполнять распоряжения цинско-китайской администрации, выслали ее представителей и китайские войска из Урги, провозгласили создание нового, независимого государства Монголия во главе с предстоятелем буддийской церкви в Монголии Богдо-гэгэном Джебцзундамба-хутухтой VIII, который был торжественно возведен на престол абсолютного теократического монарха и получил титул «Многими возведенный» Богдо-хан. При этом следует отметить, что переворот был совершен, несмотря на неоднократные советы и рекомендации представителей правительства царской России не торопиться с отделением от Цинской империи и созданием самостоятельного, независимого монгольского государства.

До этого момента с конца XVII в. Халха (Внешняя Монголия) в течение более 220 лет находилась в составе Цинской империи на правах относительной автономии. Таким образом, в результате Синьхайской революции в Китае и национально-освободительной революции в Халхе в регионе сложилась сложная, парадоксальная ситуация. В то время как в Китае произошла Синьхайская революция, в результате которой распалась Цинская империя и была образована Китайская республика, местные правители Халхи провозгласили полное отделение от Цинской империи, создали новое монгольское государство во главе в теократическим монархом Богдо-ханом Джебцзундамба-хутухтой VIII и отвергли многочисленные предложения правительства Китайской республики вновь вернуться в состав Китая.

1 декабря 1912 г. в Нийслэл-Хурээ (Урга) было опубликовано Воззвание (*монг. тухсаг бичиг*) правящих кругов Халхи (ханы, ваны, бэйлэ, бэйсэ, гуны, дзасаки, а также хамба, шанцзотба и да-ламы четырех аймаков Халхи) ко всем монголам, русским, тибетцам, китайцам, буддистам и мирянам. В нем, в частности, говорилось: «В настоящее время имеется много сведений с юга о происходящей смуте между двумя народностями — маньчжурами и китайцами, о том, что маньчжурская династия приходит к своему падению. Исходя из этого, мы постановили: мы, монголы, испокон веков являлись отдельным государством. Теперь, согласно старым порядкам, надлежит установить свое национальное, независимое от других, новое государство. И отныне мы, монголы, перестаем подчиняться маньчжурским и китайским чиновникам, они немедленно лишаются власти и должны вернуться на свою родину, о чем и сообщено им письменно. Распоряжение о лишении власти и выезде на родину не касается мирных китайцев, занятых торговлей, ибо у нас нет желания без всякого повода причинять им зло» (пер. Ш. Сандага) [Батсайхан, 2018, с. 77–78].

Таким образом, в результате государственного переворота, совершенного по инициативе правящей феодальной верхушки и поддержанного широкими народными (аратскими) массами, во Внешней Монголии произошла национально-освободительная революция и была восстановлена государственность монголов, утраченная более 220 лет назад.

Подписанию Соглашения предшествовал ряд важных событий в Монголии, России и Китае. Так, в конце июля 1911 г. в столице Монголии Урге состоялось тайное от цинских властей собрание монгольской духовной и светской знати, говоря современным языком — политической элиты Халхи (Внешней Монголии), в котором приняли участие сам Богдо-гэгэн Джебцундамба-хутухта VIII, ханы четырех аймаков, князя, высшие иерархи буддийской церкви в Монголии. На собрании обсуждался важнейший, по существу судьбоносный вопрос: что делать в условиях продолжения осуществления «нового курса» политики Цинского правительства, направленного на превращение Халхи в обычную китайскую провинцию, как использовать начавшийся распад Цинской империи и ослабление власти центрального правительства в Пекине для полного освобождения от цинско-китайского господства и угнетения. В результате острого обсуждения различных точек зрения и вариантов стратегии было принято решение о полном отделении Халхи от Цинской империи и образовании самостоятельного, независимого монгольского государства, охватывающего не только территорию Халхи, но и другие территории, где проживают монгольские народности («монгольские племена», *монг. монгол овогтон*), включая Внутреннюю Монголию, Баргу и др. Участники собрания, трезво оценивая свои экономические и военные возможности, прекрасно понимали, что собственными силами не только монголы Халхи, но и все монголы, вместе взятые, включая Внутреннюю Монголию и другие монгольские территории, не смогут достичь поставленной цели. Поэтому было решено обратиться к великому северному соседу — Российской империи за помощью и покровительством в деле освобождения от цинского-китайского господства и угрозы китаизации, для чего тайно направить в Россию, в Петербург, к «белому хану», царю Николаю II специальную делегацию в составе князя, цин-вана Ханддоржа, да-ламы, цин-вана Цэрэнчимэда и князя Хайсана из Внутренней Монголии. Уже сам состав делегации означал, что она представляет интересы не только духовной и светской элиты и монголов Халхи, но также Внутренней Монголии и других монгольских земель.

Монгольская делегация во главе с Ханддоржем прибыла в Петербург 15 августа 1911 г., передала письмо Богдо-хана и ханов четырех аймаков Халхи царю Николаю II с просьбой об оказании помощи и покровительства России в сохранении традиционного, самобытного образа жизни, религии и строя монголов, в противодействии политике Китая по превращению Монголии в китайскую провинцию, о помощи оружием, о намерении монголов Халхи полностью отделиться от Цинской империи и образовать свое независимое монгольское государство, заключить с Россией договор о признании ею независимости нового государства, установить с ней дипломатические отношения, а также заключить отдельные соглашения о расширении русской торговли в Монголии, строительстве железной дороги, организации почтовой связи, добычи полезных ископаемых, создании регулярной монгольской армии и др. В ответ на эти просьбы и предложения председатель Совета Министров России П. А. Столыпин сдержанно посоветовал делегации не предпринимать никаких решительных, активных действий против правительства Цинской империи и пообещал, что правительство России постарается повлиять на Китай в том отношении, чтобы не допустить массового переселения китайцев во Внешнюю Монголию и направления китайских войск в пограничные с Россией районы Монголии [Международные отношения (1878–1917). Сер. 2, т. 18, ч. 1, с. 401]. Иными словами, в то время правительство царской России приняло решение оказать помощь монголам Халхи, но не в тех формах и объемах, на которые рассчитывали правящие круги Внешней Монголии. Царское правительство не поддержало намерение правящей элиты Халхи полностью отделиться от Цинской империи и образовать самостоятельное, независимое панмонгольское государство,

а ограничилось обещанием стать посредником между Монголией и Китаем и дипломатическим путем урегулировать те вопросы, которые беспокоят монголов Халхи (вмешательство цинских и китайских чиновников во внутренние дела управления Халхи, нарушение и ограничение наследственных прав монгольских князей, проведение административной, экономической и военной реформ, колонизация Внешней Монголии китайскими переселенцами, направление маньчжуро-китайских войск).

В 1911–1912 гг. правительство царской России неоднократно предпринимало попытки урегулировать «монгольский вопрос» путем дипломатических переговоров с правительством Китайской республики в рамках широкой автономии Монголии под сюзеренитетом Китая на следующих условиях: 1) сохранение исторически сложившегося, самобытного, автономного строя монголов Внешней Монголии в составе Китая; 2) недопущение колонизации Внешней Монголии китайскими переселенцами; 3) невведение китайских войск во Внешнюю Монголию. Однако правительство Китайской республики, надеясь на то, что оно добьется возвращения Внешней Монголии в состав Китая, категорически отказывалось признать отделение Монголии и образование нового государства и соответственно всячески затягивало переговоры с Россией по этому вопросу. В итоге правительство царской России, видя, что русско-китайские переговоры по «монгольскому вопросу» слишком затянулись, приняло решение начать прямые переговоры непосредственно с правительством Богдо-хана Монголии с целью заключить с ним отдельное соглашение на предлагаемых условиях.

В августе 1912 г. была достигнута договоренность о проведении двусторонних русско-монгольских переговоров с целью заключения соглашения.

Уполномоченный представитель правительства Российской империи Илья Яковлевич Коростовец прибыл в Ургу 21 сентября 1912 г. и привез с собой российский проект соглашения, который был ответом на предложения, сделанные делегацией Ханддоржа в августе 1911 г. Начались трудные и острые переговоры между ним и монгольской делегацией, состоявшей из членов правительства в полном составе во главе с министром внутренних дел, да-ламой Цэрэнчимэдом. Переговоры иногда находились на грани срыва. Дело в том, что позиции России и Монголии по двум основным вопросам не совпадали и существенно различались.

Во-первых, по ключевому для монголов вопросу о признании Россией независимости вновь созданного государства Монголия; во-вторых, о признании его не в существующих границах Внешней Монголии, а в расширенных границах, включая Внутреннюю Монголию и другие монгольские территории, которые признали новое государство Богдо-хана и выразили готовность присоединиться к нему.

Официальная позиция царской России на переговорах была выработана в ходе обсуждения «монгольского вопроса» на нескольких межведомственных совещаниях, в том числе на Особом совещании по делам Дальнего Востока 17 августа 1911 г., Особом совещании под председательством председателя Совета Министров В. И. Коковцева по вопросу о заключении соглашения с ургинским хутухтой и князьями Халхи 15 августа 1912 г. По мнению министра иностранных дел России С. Д. Сазонова и других российских дипломатов, в то время Внешняя Монголия (Халха) по уровню своего политического, экономического и военного развития была недостаточно подготовлена для существования в качестве отдельного, самостоятельного, независимого государства. Поэтому правительство царской России нашло и предложило компромиссный путь решения «монгольского вопроса»: удовлетворить просьбу правящих кругов Внешней Монголии об оказании помощи в сохранении ее традиционного, самобытного строя монголов, в недопущении ввода китайских войск и колонизации ее китайскими переселенцами, решении

других актуальных проблем дипломатическим путем в рамках широкой автономии Монголии под сюзеренитетом Китайской республики.

На совещании 17 августа 1911 г. были определены следующие основные принципы политики России по урегулированию монгольского вопроса: 1) признать задуманные Цинским правительством преобразования в Монголии противоречащими интересам России и поддерживать выступления монголов против этих преобразований; 2) правительству Российской империи не следует принимать на себя обязательство силой оружия остановить задуманное монголами Халхи отложение от Китая; 3) правительство должно выступить посредником между Монголией и Китаем и поддержать «дипломатическим путем стремление монголов сохранить свою самобытность, не порывая с их суверенами — императорами дайцинской династии» [Международные отношения... 1878–1917. Сер. 2, т. 18, ч. 1, с. 341]. На совещании было также решено усилить конвой российского консульства в Урге 200 казаками и принять меры по обеспечению безопасности членов монгольской делегации и тех, кто их послал.

На Особом совещании под председательством В. П. Коковцева 15 августа 1912 г. было принято решение о целесообразности заключения между Россией и Халхой соглашения, «сущность которого сводилась к обещанию правительства отстаивать самобытный строй Халхи и не допускать как ввода в Монголию китайских войск, так равно и колонизации ее китайцами» [Международные отношения... 1878–1917. Сер. 2, т. 20, ч. 2, с. 6–7]. В ходе обсуждения русского и двух монгольских проектов соглашения в сентябре-октябре 1912 г. в Урге разгорелись горячие споры вокруг формулировки о статусе Внешней Монголии. И. Я. Коростовец последовательно разъяснял и отстаивал официальную российскую позицию: определить статус Монголии как «расширенную автономию», «автономное государство» без указания международного статуса Монголии. Монгольская сторона во главе с да-ламой Цэрэнчимэдом не соглашалась с понижением статуса независимого государства Монголия до уровня автономии и настаивала на признании полной независимости Монголии, включая Внешнюю Монголию, а также Внутреннюю Монголию и другие монгольские территории, которые признали правительство Богдо-хана и выразили готовность войти в состав нового государства Монголия.

О СОДЕРЖАНИИ СОГЛАШЕНИЯ

21 октября/3 ноября 1912 г. И. Я. Коростовец и премьер-министр Намнансурэн, который сменил Цэрэнчимэда на посту руководителя делегации, и другие пять министров правительства Монголии подписали Соглашение и Торговый протокол, приложенный к нему. Соглашение состоит из преамбулы и четырех статей.

В вводной части Соглашения были названы основные изменения, которые произошли в Монголии и в монголо-китайских отношениях за последнее время: «Ввиду всенародно выраженного желания монголов сохранить исторически сложившийся самобытный строй своей страны китайские войска и власти были удалены с монгольской территории и Повелителем монгольского народа был провозглашен Чжебзун-Дамба-Хутухта. Прежние отношения Монголии к Китаю, таким образом, прекратились» [Дружественное соглашение о признании..., (1911–1946). Сб. док., ч. 1, с. 28–31]. Иными словами, были зафиксированы факты: удаление по воле монгольского народа представителей цинско-китайской администрации и китайских войск с территории Халхи, прекращение прежних отношений Монголии с Китаем, провозглашение Чжебзундамба-хутухты Повелителем монгольского народа. Далее в Соглашении говорилось: «Ныне, ввиду вышеизложенного, а также существующей между русским и монгольским

народами исконной взаимной дружбы и ввиду необходимости точно определить порядок взаимной русско-монгольской торговли...», полномочные представители России и Монголия договорились о нижеследующем. Согласно статье 1 Соглашения Императорское правительство России взяло на себя обязательство оказать Монголии «свою помощь к тому, чтобы она сохранила установленный ею автономный строй, а также право содержать свое национальное войско, не допуская на свою территорию китайские войска и колонизации своих земель китайцами» [Дружественное соглашение о признании..., (1911–1946). Сб. док., ч. 1, с. 28]. Именно эти пункты составили основное содержание обязательств России, которые легли в основу этого и последующих соглашений между Россией, Монголией и Китаем, в том числе Русско-китайской декларации от 5 ноября 1913 г. и тройственного русско-китайско-монгольского Кяхтинского соглашения от 25 мая 1915 г.

Монгольское правительство в свою очередь обязалось дать возможность русским подданным и русской торговле по-прежнему пользоваться в своих владениях правами и привилегиями, перечисленными в прилагаемом протоколе (статья 2). При этом не предоставлять другим иностранным компаниям прав больше, чем те, которыми пользуются русские компании. Статья 3 предусматривала, что в случае если Монгольское правительство сочтет нужным вступить в отдельный договор с Китаем или другим иностранным государством, то новым договором не могут быть нарушены или изменены статьи настоящего Соглашения и Протокола без согласия Императорского Российского правительства. Оба текста на русском и монгольском языках были сличены и признаны согласными. При этом в русском оригинале Соглашения было сказано, что Российское правительство окажет Монголии помощь в том, чтобы «она сохранила установленный ею автономный строй», а в монгольском оригинале выражение «автономный строй» было переведено как «өөртөө тогтнож, өөрөө эзэрхэх», что по смыслу означало «самоопределение и самоуправление». Это выражение может трактоваться и как «независимость», и как «автономия». Как известно, в литературе существуют различные трактовки и оценки содержания и значения этого соглашения.

В условиях решительного отказа Китайской республики признать факт отделения Монголии от Китая и образования нового, самостоятельного Монгольского государства, угрозы военных действий для подавления монгольских «бунтовщиков», сохранения непредсказуемости дальнейшего хода событий в Монголии и Китае, неопределенности в отношении международного статуса Монголии с точки зрения национальных интересов царской России у нее не было намерения признать независимость государства Монголии и тем самым вступить в открытый конфликт с Китаем. Поэтому правительство царской России выработало и последовательно проводило вышесказанную политику — оказать поддержку Монголии дипломатическим путем в рамках признания широкой автономии Монголии под сюзеренитетом Китайской республики.

Монгольская сторона понимала и трактовала Соглашение как акт признания независимости государства Монголии и последовательно боролась за признание полной независимости своего государства.

О значении Соглашения для Российской империи, Автономной Монголии и Китайской Республики

Подписание Русско-Монгольского соглашения 1912 г. открыло новый этап в истории русско-монгольских отношений, этап официального признания правительством Российской

империи правительства государства Монголия в форме автономии в составе Китая, этап усиления политических, экономических и военных позиций России в Монголии.

С точки зрения национальных интересов России подписание Соглашения означало большое достижение царской дипломатии. В сложной международной обстановке начала 1910-х гг. правительству Российской империи удалось выработать и последовательно реализовать собственную мирную, компромиссную схему решения «монгольского вопроса» с учетом сохранения и защиты самобытного автономного строя Халха-Монголии, недопущения ввода китайских войск и превращения ее в китайскую провинцию. Соглашение стало первым правовым документом официального признания правительством царской России правительства самопровозглашенного государства Монголия. Это был первый шаг на пути установления межгосударственных отношений между Российской империей и Монголией. Для молодого непризнанного государства Монголия подписание Соглашения с великой державой Россией означало первый правовой документ, начало международного признания государства Монголии как субъекта международных отношений после провозглашения независимости, начало трудного и длительного процесса международного признания независимости Монголии.

Советский, российский исследователь, китаевед-историк Е. А. Белов, руководствуясь принципом классового подхода, характерного для советской историографии, следующим образом оценил значение данного Соглашения для Монголии: «Таким образом, монгольские феодалы не добились своих целей: не получили согласия России на независимость Монголии, ни права определять ее границы. Однако Внешняя Монголия получила по соглашению широчайшую автономию в составе Китая. А поскольку Урга не признавала власть китайского правительства, постольку Внешняя Монголия в эти годы была фактически независимым государством (до Кяхтинского соглашения 1915 г.)» [Белов, 1999, с. 87].

Другой советский, российский историк С. Г. Лузянин отметил, что подписание Соглашения — «первый международно-правовой акт ургинского правительства после провозглашения независимости» [Лузянин, 2000, с. 51]. Говоря о значении Соглашения 1912 г. для становления монгольской государственности и формирования региональной системы Россия — Внешняя Монголия — Китай, С. Г. Лузянин, в частности, подчеркнул: «...русско-монгольское (1912 г.) и русско-китайское (1913 г.) соглашения не только способствовали становлению монгольского государства в качестве субъекта международных отношений, но и лежали в основе создания тройственной региональной системы Россия — Внешняя Монголия — Китай» [Лузянин, 2000, с. 59–60].

С. А. Кузьмин пришел к выводу: «По содержанию, способу выработки и заключения это был документ о создании независимого государства, каковым его и считали монголы, а также многие эксперты того времени и китайские власти. Примечательно, что подписавший документ Коростовец сам считал его признанием именно независимости Монголии» [Коростовец, 2009, с. 198]. Однако опубликованные документы, архивные материалы, мемуары И. Я. Коростовца, вся история возникновения и решения «монгольского вопроса», вся политика царского правительства Российской империи и деятельность И. Я. Коростовца в Монголии свидетельствуют о том, что начиная с августа 1911 г. правительство царской России последовательно и твердо проводило политику, направленную на оказание помощи Монголии в отношении сохранения ее самобытного строя, предотвращения ввода китайских войск на ее территорию и недопущения колонизации Монголии китайскими переселенцами в рамках автономного государства с широкими правами в составе Китая. Данная политика оказалась эффективной при заключении последующих соглашений между Россией, Китаем и Монголией.

Монгольский историк, ведущий исследователь истории этого и других соглашений, заключенных между Монголией, Россией и Китаем в 1912–1915 гг., О. Батсайхан, автор специального фундаментального исследования данного и других соглашений, следующим образом оценил значение этого соглашения для Монголии: «Этот договор, заключенный между Россией и Монголией в 1912 г., стал одним из проявлений того, что Монголия вновь вышла на международную арену в качестве государства. Заключение этого договора в определенной степени ослабило прежние, сложившиеся отношения между Монголией и Китаем, и открыло возможности для расширения участия русских в экономической и социальной жизни монголов» [Батсайхан, 2008, с. 256]. Далее он пишет: «Россия договором о дружбе 1912 г. официально признала Монгольское правительство и поэтому это означает, что она рассматривала Монголию в качестве законного субъекта, имеющего право на заключение договора» [Батсайхан, 2008, с. 257]. О. Батсайхан пришел к основному выводу: «Таким образом, тот факт, что государство Монголия заключило договор с могучей Российской империей, был событием, которое способствовало продолжению борьбы монголов за независимость своей страны» [Батсайхан, 2008, с. 257].

Точка зрения автора статьи состоит в том, что заключение Русско-Монгольского соглашения от 1912 г. — одно из важных событий в истории российско-монгольских отношений в начале XX в. Его историческое значение состояло в том, что это было первое соглашение о признании Российской империей правительства Монголии после отделения Внешней Монголии от Цинской империи и создании нового, независимого государства Монголия. Форма и содержание соглашения действительно дают основания для различных толкований его содержания и отдельных формулировок. Однако при оценке места и роли этого события с позиций современности следует исходить, прежде всего, из реальных исторических фактов, в частности, из того, что данное Соглашение было официально признано правительством Китайской республики и правительствами других ведущих государств мира и сыграло важную роль в заключении ряда последующих соглашений и договоров между Россией, Монголией и Китаем.

Обобщая вышесказанное, можно сделать несколько выводов. Во-первых, тема истории и значения Русско-Монгольского соглашения 1912 г. для отношений между Россией, Монголией и Китаем продолжает оставаться актуальной и дискуссионной и поэтому нуждается в продолжении всестороннего исследования. Во-вторых, Русско-Монгольское соглашение от 21 октября/3 ноября 1912 г. было первым правовым документом, который открыл новый этап межгосударственных отношений между Российской империей и Монголией. Не случайно в настоящее время Русско-Монгольское соглашение 1912 г. стоит первым в списке основных межгосударственных документов, заключенных между Россией и Монголией в XX — начале XXI в. В-третьих, международный статус Монголии был установлен в форме расширенной автономии в составе Китайской республики. В-четвертых, за последние годы монгольские, российские и зарубежные историки проделали большую работу по восстановлению исторической правды в отношении роли ряда российских и монгольских политических, религиозных деятелей и дипломатов в подготовке и подписании Русско-Монгольского соглашения, в том числе министра иностранных дел России С. Д. Сазонова, российского уполномоченного И. Я. Коростовца и др., а также монгольских политических и религиозных деятелей — Богдо-гэгэна Джебцзундамба-хутухты VIII, министра внутренних дел, да-ламы Цэрэнчимэда, премьер-министра Намнансурэна, министра иностранных дел Ханддоржа и других.

Литература/References

Белов Е. А. *Россия и Монголия (1911–1919 гг.)*. М.: ИВ РАН, 1999 [Belov E. A. *Russia and Mongolia (1911–1919)*. Moscow: IOS RAS, 1999 (in Russian)].

Белов Е. А., Лузянин С. Г. О концепции «Монгольского вопроса» в «Истории Монгольской Народной Республики». *Восток (Oriens)*. 2000. № 1 [Belov E. A., Luzyanin S. G. On concept of the «Mongol question» in the «History of Mongolian People's Republic». *Vostok (Oriens)*. 2000. No. 1].

Гурьев Б. М. *Политические отношения России к Монголии*. СПб., 1911 [Guriev B. M. *Political relations of Russia toward Mongolia*. Saint-Peterburg, 1911].

Дружественное соглашение о признании Россией автономной Монголии // *Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946)*. Сборник документов. В 2 частях. Часть 1. М.: ИД «Граница», 2019. С. 28–31 [Friendship Agreement on Russia's recognition of autonomous Mongolia. *Russian-Mongolian military cooperation (1911–1916)*. Collection of documents. Part I–II. P. 1. M.: Publishing house «Granitsa», 2019. Pp. 28–31].

Лузянин С. Г. *Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг.* М.: ИДВ РАН, 2000 [Luzyanin S. G. *Russia–Mongolia–China in the first half of the XX century. Political relations in 1911–1946*. Moscow: IFE RAS, 2000].

Коростовец И. Я. *Девять месяцев в Монголии / Сост. О. Батсайхан (Монголия). Ред.: О. Батсайхан, О. Бакич (Канада), Наками Тацуо (Япония)*. Уб., 2009 [Korostovets I. Ya. *Nine months in Mongolia. Dairy of the Russian Commissioner in Mongolia. August 1912 — May 1913*. Compiled by O. Batsaikhan. Ed. O. Batsaikhan, O. Bakich (Canada), Nakami Tatsuo (Japan). Ulaanbaatar, 2009].

Коростовец И. Я. *От Чингисхана до Советской республики / Отв. ред. О. Батсайхан. Ред. Б. В. Базаров, В. Ц. Ганжууров*. Уб., 2004 [Korostovets I. Ya. *From Chenghis Khan to Soviet Republic*. Ed. O. Batsaikhan, B. V. Bazarov, V. Ts. Ganjurov. Ulaanbaatar, 2004].

Кузьмин С. Л. Русско-Монгольское соглашение 1912 г. и независимость Монголии. *Вестник МПГУ*. Серия «Исторические науки». 2015. № 1. С. 80–87 [Kusmin S. L. Russian-Mongolian Agreement of 1912 and independence of Mongolia. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University*. Ser.: Historical sciences. 2015. No. 1. Pp. 80–87].

Кузьмин Ю. В. Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России: (конец XIX — 30-е гг. XX вв.) / Науч. ред. В. В. Свинин. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1997 [Kusmin Yu. V. *Mongolia and «Mongol question» in Russian Sociopolitical thought: (late XIX — 30s of the XX century)*. Ed. V. V. Svinin. Irkutsk: Publishing house of the Irkutsk university, 1997].

Кузьмин Ю. В. Монголия и русско-монгольские отношения начала XX века в общественно-политической мысли России // *Актуальные вопросы истории российско-монгольских отношений первой четверти XX века*. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2013. С. 27–39 и др. [Mongolia and Russian-Mongolian relations in the sociopolitical thought of Russia // *Actual issues of history Russian-Mongolian in the first quarter of the XX century*. Irkutsk: Publishing house of BGUEP, 2013. Pp. 27–39 etc.].

Кушелев Ю. *Монголия и Монгольский вопрос*. СПб., 1912 [Kushelev Yu. *Mongolia and the Mongolian question*. Saint-Peterburg. 1912].

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917. Сер. 2. Т. 18. Ч. 1. С. 401 [International Relations in the Age of Imperialism. Documents from the archives of the Tsarist and Provisional Governments. 1878–1917. Ser. 2. V. 18. Part 1. P. 401].

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917. Сер. 2. Т. 18. Ч. 1. С. 341 [International Relations in the Age of Imperialism. Documents from the archives of the Tsarist and Provisional Governments. 1878–1917. Ser. 2. V. 18. Part 1. P. 341].

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917. Сер. 2. Т. 20. Ч. 2. С. 6–7 [International Relations in the Age of Imperialism. Documents from the archives of the Tsarist and Provisional Governments. 1878–1917. Ser. 2. V. 20. Part 2. Pp. 6–7].

Соглашение. // АВПРИ. Ф. 163. Трактаты. Оп. 3. Д. 963. Л. 1–2. Подлинник [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire. F. 163. Op. 3. D. 963. Fol. 1–2. Original.

Ивинг Т. (Eving Thomas). «*Chinese and Russian Policies in Outer Mongolia, 1911 to 1921*» (PhD diss., Indiana University, 1977).

Наками Тацуо (Nakami Tatsuo). *Russian diplomats and Mongol independence. 1911–1915* // Mongolia in the Twentieth century; Landlocked Cosmopolitan / Ed. by Stephen Kotkin and Bruce Elleman, NY and London. M. E. Sharpe, 1999.; *Y. Korostovets and the Mongol problem of independence in the early 1910's.* // 7-th International Congress of Mongolists. Ulaanbaatar, August 1907.

Баркманн У. (Barkmann Udo B.). *Geschichte der Mongolei oder Die Mongolische Frage.* Verlag: Bouvier, Bonn, 1999; *1911 оноос өмнөх болон хойших үеийн Монгол улсын дотоод, гадаад бүрэн эрхт байдлын асуудалд дайх үг* (Заметки по вопросу о внутреннем и международном суверенитете Монголии до и после 1911 г.) [Some remarks on the question of Mongolia's internal and external sovereignty before and after 1911 //www.baabar.mn (дата обращения: 07.11.2022).

Батбаяр Ц. *Кодама, Мицуй нүүс, Хүрээнд байсан япончууд: 1911–1921* (Кодама, фирма Мицуй и японцы, которые были в Монголии (1911–1921). Уб., 1993 [Kodama, firm Mitsui and the Japanese who were in Khuree. Ulaanbaatar, 1993]; *Монгол ба их гүрнүүд ХХ зууны эхний хагаст* (Монголия и великие державы в первой половине ХХ века). Уб., 2006 [Mongolia and the major powers in the first half of the ХХ century. Ulaanbaatar, 2006].

Батсайхан О. *Монголын тусгаар тогтнол ба Хятад, Орос, Монгол улсын 1915 оны Хиагтын гэрээ (1911–1916)*. Уб.: Адмон, 2002 [Mongolian Independence and Kiakhta Agreement of 1915 between China, Russia and Mongolia. 1911–1915]. Ulaanbaatar: Admon, 2002]; *Монгол үндэстэн бүрэн эрхт улс болох замд (1911–1946)*. Уб.: Адмон, 2005 [Mongol nation on the way to be the completely sovereign state. Ulaanbaatar: Admon, 2005]; *Монголын сүүдчийн эзэн хаан VIII Богд Жавзандамба. 1911 оны үндэсний хувьсгал* (Последний великий хан Монголии Богдо Джебцундамба VIII. Национальная революция 1911 г.). Уб., 2008. С. 327 [The last great khan of Mongolia Bogdo Jebtsundamba kytukhtu VIII. National revolution of 1911. Ulaanbaatar, 2008]; *Последний великий хан Монголии Богдо Джебцундамба-хутухта VIII. Жизнь и легенды.* Отв. ред. С. Л. Кузьмин. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2018 [The last great khan of Mongolia Bogdo Jebtsundamba khytukhtu VIII. Life and legends. Moscow: РН КМК, 2018]; *Монголо-Русское соглашение о дружбе 1912 г. и его историческое значение* // «Монголия сегодня», Уб., 29.05.2011 [Mongol-Russian friendship Agreement of 1912 and its historical significance. Ulaanbaatar: Newspaper «Mongolia today», 29.05.2011].

Болдбаатар Ж. *Эрдэнэ дайчин, чин ван Ханддорж (Чин ван Ханддорж)*. Уб., 1994 [Chin van Khanddorj. Ulaanbaatar, 1994]; *Эрдэнэ дайчин хошой чин ван Ханддорж* (Дважды чин ван Ханддорж). Уб., 2011 [Double chin van Khanddorj. Ulaanbaatar, 2011]; *Монгол улсын түүхэнд Наймдугаар Богд Живзундамба хутагтын гүйцэтгэсэн үүрэг* (Роль Восьмого Богдо Джебцундамба-хутухты в истории государства Монголия) // МУИС-аас зохион байгуулсан «1911 оны үндэсний хувьсгал ба Наймдугаар Богд Жавзандамба хутагт» эрдэм шинжилгээний бага хуралд тавьсан илтгэл, 2007 оны 5 дугаар сарын 23, Улаанбаатар [The Role of the Eighth Bogdo Jebzundamba Khutukhta in the History of the State of Mongolia. Report at the scientific conference «The National Revolution of 1911 and the Eighth Jebzundamba Hutukhta» held in the MSU, 23.05.2007. Ulaanbaatar].

Жамсран Л. *Монголын цагаагчин гажай жилийн хувьсгал* (Монгольская революция года беловой свиньи). Уб., 1992 [The Mongolian Revolution of the Year of the White Pig. Ulaanbaatar, 1992]; *Олноо өргөгдсөн Монгол улс* (Многими возведенное государство Монголия). Уб., 1992 [The State of Mongolia, erected by many. Ulaanbaatar, 1992]; *Монголчуудын сэргэн мандалтын эхэн* (Начало возрождения монголов). Уб., 1996 [The Beginning of the Mongolian Revival. Ulaanbaatar, 1996].

Дэндэв Л. *Монголын товч түүх* (Краткая история Монголии). Уб., 1934, 2006 [Brief History of Mongolia. Ulaanbaatar, 1934, 2006].

Ли Пён Ри. *1911 онд Монголын үндэсний тусгаар тогтнолыг сэргээн тунхагласан түүхийг нэхэн шинжлэхүй* (Дополнительное исследование истории провозглашения восстановления независимости Монголии в 1911 г.). Изд. 2-е. Уб.: Сэлэнгэпресс, 2011 [Additional Research on the History of the Restoration of Mongolia's Independence in 1911. 2-nd edition. Ulaanbaatar: Selengepress, 2011].

Магсаржав Н. *Монгол улсын товч түүх* (Краткая история Монголии). Уб., 1994 [Brief History of Mongolia. Ulaanbaatar, 1994].

Монгол Оросын 1912 оны найрамдлын гэрээ бичгийн монгол хэлээрх уг бичиг. (Монголо-Русское соглашение о дружбе 1912 г. Факсимиле подлинника на монгольском языке) // Батсайхан Э. О. *Монголын сүүлчийн эзэн хаан VIII Богд Жавзандамба. 1911 оны үндэсний хувьсгал. Судалгааны бүтээл* (Последний великий хан Монголии Богдо Джебцундамба VIII. Национальная революция 1911 г.). Улаанбаатар, 2008. С. 327 [The Mongolian-Russian Friendship Agreement of 1912. Facsimile of the original in Mongolian // Batsaikhan O. The last great khan of Mongolia Bogdo Jebtsundamba kytukhtu VIII. National revolution of 1911. Ulaanbaatar, 2008. P. 327].

Нацагдорж Ш. *Халх даь үндэсний эрх чөлөөний хөдөлгөөн ба феодалыг эсэргүүцсэн хөдөлгөөн* (Национально-освободительное движение и антифеодалное движение в Халхе). Уб., 1941 [National liberation movement and anti-feudal movement in Khalkh. Ulaanbaatar, 1941]; Халхын түүх. Уб., 1963 [History of Khalkh. Ulaanbaatar, 1963].

Пунцагноров Ц. *Монголын автономит үеийн түүх* (История Монголии в период автономии). Уб., 1955 [Puntsagnorov Ts. History of Mongolia in the period of autonomy. Ulaanbaatar, 1955].

Сандаг Ш. *Борьба монгольского народа за государственную независимость и строительство новой жизни*. Уб., 1966 [Sandag Sh. The struggle of the Mongolian people for state independence and building of a new life. Ulaanbaatar, 1966]; *Монголын улс төрийн гадаад харилцаа* (Внешнеполитические отношения Монголии). Тэргүүн дэвтэр (Часть 1). Уб., 1971 [Foreign policy relations of Mongolia. Part I. Ulaanbaatar, 1971]; *Монголын улс төрийн гадаад харилцаа (1850–1919)* (Внешнеполитические отношения Монголии (1850–1919)). Уб., 2011 [Foreign policy relations of Mongolia (1850–1919). Ulaanbaatar, 2011].

Танака Кацухико (Tanaka Kashuhiko). «Тусгаар тогтнол уу, автономи уу» — тусгаар тогтнолын мөрөөдөл. Япончууд Монголын тухай («Независимость или автономия»? — мечта о независимости. Японцы о Монголии). Уб., 1991 [Independence or autonomy? — The dream for independence. The Japanese about Mongolia. Ulaanbaatar, 1991].

Тачибана Макото. *Монгол-Оросын 1912 оны гэрээ ба И. Я. Коростовец* [Монголо-русский договор 1912 г. и И. Я. Коростовец]. Улаанбаатар, 2013. С. 94–104 (на монг. яз.) [Mongol-Russian Agreement of 1912 and I. Ya. Korostovets. Ulaanbaatar, 2013. Pp. 94–104 (in Mongolian)]; *Монголын мартагдсан түүх. Богд хаант засгийн газар (1911–1921)* [Забывтая история Монголии. Правительство Богдо-хана (1911–1921)]. Улаанбаатар: МН Технологи, 2011 [Forgotten History of Mongolia. The Government of Bogdo Khan (1911–1921). Ulaanbaatar: MN Technology, 2011].

Чи Сюн Чан (Chi Hsiung Chang). *Disputes and Negotiations over Outer Mongolia's National Identity, Unification or Independence and Sovereignty, 1911–1916*. An Observation based on the Principle of the Chinese World Order published by the Institute of Modern History, Academica Sinica, Taipei, Republic of China in 1995.

Чэнь Вэйсинь. *Манжаас Хүрээнд явуулсан шинэ засгийн бодлого* («Новая политика, которую маньчжуры проводили в Хүрээ») // «1910–1919 оны Бээжин — Хүрээний улс төрийн харилцаа» сэдэвт эрдэм шинжилгээний бага хуралд тавьсан илтгэл (Доклад на международной научной конференции «Политические отношения между Пекином и Хүрээ в 1910–1919 гг.». Уб., 2000. Олон улсын судлал сэтгүүл. 2001. № 1 [Chen Weixin. The new policy of Manchus pursued in the Hurehe // Report at the international scientific conference «Political relations between Peking and Hurehe in 1910–1919. Ulaanbaatar, 2000. Journal «International studies». 2001. No. 1.